

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сплетни

Итак, чтобы снова начать и суметь попасть на свадьбу Мег, освободившись от посторонних мыслей, хорошо будет немного посплетничать о семействе Марч. И позвольте мне сразу же предупредить, что, если кто-то из старожилов найдет — как я опасуюсь, — что в этой истории слишком много «влюбленничают» (у меня нет опасений, что молодежь станет возражать против этого), я смогу лишь повторить вслед за миссис Марч: «Чего же иного можно ожидать, если в доме четыре веселые девчужки, а по соседству — малец удалой сорванец?!»

Прошедшие три года мало что изменили в тихой жизни этого семейства. Война закончилась, мистер Марч благополучно пребывает дома, погруженный в свои книги и в дела своего небольшого прихода, прихожане которого находят в нем пастыря столько же по призванию, сколько и по милости Господней. Мистер Марч по своей натуре — человек спокойный, хорошо образованный, обогащенный мудростью, что бывает еще ценнее учености, милосердием, что всех людей называет братьями, благочестием, что расцветает характером прекрасным и полным достоинства.

Эти качества и, несмотря на его бедность, неподкупная честность, стоявшая преградой более мирским путям к успеху, всегда привлекали к нему многих достойных восхищения людей столь же естественно,

как благоуханные растения влекут к себе пчел, и столь же естественно он отдавал им мед, в который за пятьдесят лет трудного опыта не просочилось ни капли горечи. Серьезные молодые люди видели в седовласом ученом человека душой столь же молодого, как они; вдумчивые или чем-то удрученные женщины инстинктивно тянулись к нему со своими сомнениями, уверенные, что найдут у него самое искреннее сочувствие, смогут получить самый мудрый совет. Грешники приходили к нему поведать о своих прегрешениях и получали от этого чистого сердцем старого человека не только заслуженный выговор, но и отпущение. Люди одаренные находили в нем прекрасного собеседника. Честолюбивые замечали, что его стремления благороднее, чем их собственные, и даже души совершенно «мирские», ради успеха готовые на все, признавали, что его убеждения прекрасны, хотя, конечно же, «никогда не окупаются».

Окружающие полагали, что домом правят пять энергичных женщин, и на самом деле так оно и было во многих отношениях; однако молчаливый, погруженный в свои книги ученый тем не менее был настоящим главою семейства, совестью всех и каждого в доме, их опорой и утешителем, ибо именно к нему в трудные минуты всегда обращались эти деятельные женщины со своими тревогами, находя в нем мужа и отца в самом истинном смысле этих священных слов. Сердца дочерей были доверены попечению матери, духовные же стремления — попечению отца, и обоим родителям, которые всю жизнь так преданно трудились ради них, дочери отдавали любовь, все возраставшую по мере того, как они выросли, и связавшую их вместе столь нежно и нерушимо сладчайшими узами, что осчастливливают жизнь и помогают

пережить саму смерть. Миссис Марч все так же оживлена и бодра, хотя седины в ее волосах стало больше, чем было, когда мы видели ее в прошлый раз. Сейчас она настолько занята делами Мег, что госпитали и дома, по-прежнему переполненные ранеными и больными «мальчиками», да и солдатские вдовы тоже скучают без материнской заботы этой ласковой миссионерки.

Джон Брук мужественно выполнял свой воинский долг в течение года, был ранен, отправлен домой, и ему не разрешили возвратиться в строй. Он не получил ни звезд, ни нашивок, но он их, конечно, заслуживал, ибо с готовностью рисковал всем, что имел, а ведь жизнь и любовь весьма драгоценны в ту пору, когда они в полном цвету. Совершенно смирившись со своим увольнением из армии, Джон посвятил свои усилия тому, чтобы быстрее вылечиться, приняться за работу и создать домашний очаг для Мег. Со свойственными ему здравомыслием и стойкой независимостью характера он отказался принять более щедрые предложения мистера Лоренса и поступил на должность бухгалтера, считая, что лучше начать с того, чтобы честно зарабатывать деньги, чем пойти на риск и заняться бизнесом на деньги, взятые в долг.

Мег провела эти годы, по-прежнему работая, но и ожидая, и становясь все более женственной: она овладевала искусством вести дом и к тому же становилась все краше и краше — ведь любовь великолепно умеет делать нас красивее! Разумеется, у нее были девичьи амбиции, девичьи мечты, и она чувствовала некоторое разочарование при мысли о том, как скромно должна начаться ее новая жизнь. Нед Моффат только что женился на Сэлли Гардинер, и Мег не могла не сравнивать их великолепный дом и прекрасный экипаж, множество подарков и прелестный свадебный

наряд подруги с тем, что будет у нее, не могла не желать втайне, чтобы и она сама обладала такими же замечательными вещами. Но почему-то зависть и тревога тут же исчезали, стоило ей подумать о стойком терпении, о любви и упорном труде, каким Джону удалось обрести для нее тот небольшой дом, что ждал ее теперь, и когда они сидели вместе в сумерках, обсуждая свои скромные планы, будущее тотчас представлялось таким прекрасным и светлым, что Мег забывала о великолепии Сэлли и чувствовала себя самой счастливой девушкой во всей христианской вселенной.

Джо больше не вернулась к тетушке Марч, потому что старая дама так привязалась к Эми, что подкупила ее предложением оплачивать ее уроки рисования у одного из лучших учителей города, а ради этого Эми была бы готова служить и гораздо более суровой госпоже. Так что теперь она посвящала свои утра исполнению долга, а дни — удовольствиям и преуспевала во всем. Джо тем временем целиком отдавалась литературе и Бет — девочка была все еще слаба здоровьем, хотя тяжелая скарлатина стала уже делом давнего прошлого. Бет вовсе не превратилась в инвалида в полном смысле этого слова, но ее щеки никогда больше не розовели так ярко, и она не походила на то пышущее здоровьем создание, каким была раньше. Тем не менее она всегда оставалась полной надежд, счастливой и спокойной, не переставала молчаливо выполнять свои любимые обязанности — быть другом всем и каждому и сущим ангелом в доме задолго до того времени, когда те, кто так сильно ее любил, научились это понимать.

Пока газета «Спред Игл» платила Джо по доллару за колонку ее «вздора», как она называла эти рассказы, наша сочинительница чувствовала себя «женщи-

ной со средствами» и аккуратно плела свои романтические небылицы. Однако в ее деятельной душе и честолюбивом мозгу заваривались великие планы, а на чердаке, в старом, обитом жостью кухонном столе, медленно, но неуклонно росла испещренная кляксами многостраничная рукопись, которой в один прекрасный день предстояло запечатлеть имя Марч на скрижалях славы.

Лори, почтительно выполняя свой долг, к великому удовольствию деда, поступил в колледж и теперь проходил курс учения самым по возможности легким образом, получая не меньшее, чем его дедушка, удовольствие. Всеобщий любимец, благодаря деньгам, прекрасным манерам, недюжинному таланту и необычайному добросердечию, из-за которого он вечно попадал во всяческие передряги, пытаясь вытащить из них кого-то другого, юный Лоренс оказался лицом к лицу с опасностью стать человеком, до предела избалованным. И возможно, так оно и случилось бы, как это бывает со многими мальчиками, подающими большие надежды, если бы Лори не обладал талисманом против такого зла: он помнил о добром старике, всем существом своим заинтересованном в успехе внука, о женщине-друге, что по-матерински не спускала с него глаз, словно он и вправду был ее сыном, и, наконец, но вовсе не в последнюю очередь он знал, что четыре чистых сердцем девушки любят его, им восхищаются и каждая из них верит в него всей душой.

Разумеется, он был всего лишь «блистательный отпрыск рода человеческого»: он озорничал и флиртовал, пытался быть модным щеголем, увлекался то водным спортом, то гимнастикой, то сентиментальничал, послушно следуя повелениям моды своего колледжа; он подшучивал над другими студентами, а те

подшучивали над ним, он широко пользовался студенческим жаргоном и не единожды оказывался на грани исключения — временного, а то и окончательного. Однако причиной его озорства всегда бывало веселое расположение духа и любовь к забавам, так что Лори удавалось спасти положение откровенным признанием вины, достойной компенсацией ущерба или непреодолимой силой убеждения, которой он владел в совершенстве. На самом деле он даже гордился тем, как ему удастся выпутываться из почти безвыходных ситуаций, и ему нравилось волновать девиц Марч подробнейшими описаниями своих триумфов над гневными кураторами, достопочтенными профессорами и поверженными противниками.

«Джентльмены нашей группы» стали героями в глазах четырех девиц, которым никогда не надоедало слушать о подвигах «наших ребят». Девицам даже позволялось купаться в лучах улыбок, расточаемых этими великими существами, когда Лори приезжал с ними к себе домой из колледжа.

Этой высокой честью особенно наслаждалась Эми, ставшая у них «царицей бала», ибо сия юная леди рано почувствовала в себе — и научилась использовать — дар очарования, которым она была наделена от рождения. Мег была слишком поглощена своим собственным и совершенно исключительным Джоном, чтобы интересоваться какими-то другими владыками Вселенной, застенчивая Бет осмеливалась лишь время от времени поглядывать на них издалека и изумляться, как это Эми решается ими командовать, ну а Джо чувствовала себя в их среде совершенно в своей стихии, и ей было трудно удержаться от подражания манерам этих джентльменов, их выражениям и поступкам, что для нее казалось более естественным, чем

внешняя благопристойность, предписываемая юным леди. Всем «нашим ребятам» Джо нравилась невероятно, но никто и не думал в нее влюбиться, хотя очень немногие избежали соблазна уплатить сентиментальную дань в виде пары-другой вздохов у обители Эми. А раз уж мы заговорили о сантиментах, это должно совершенно естественно привести нас к «Давкоту».

Таково было имя небольшого дома из коричневого кирпича — первого домашнего очага, который мистер Брук приготовил для Мег. Окрестил его так не кто иной, как Лори, заявивший, что такое имя в высшей степени подобает обиталищу нежных влюбленных, которые не только целуются да милуются, но еще и воркуют, словно голубок и горлица. «Давкот» был крохотный домик, с маленьким садом за ним и лужайкой впереди, почти такой же величины, как носовой платок. Здесь Мег намеревалась устроить фонтан, насадить кустарник и массу прелестных цветов; правда, в настоящее время роль фонтана исполняла потрепанная непогодой урна, видом своим весьма напоминавшая сильно потрепанную непогодой бадью для помоев, кустарник состоял из нескольких молоденьких лиственниц, пока еще не решивших, стоит ли им жить или лучше сразу помереть, а на массу цветов пока намекали лишь полчища палочек, намечавших места, куда должны были лечь семена. Разумеется, коридор в доме был так узок, что явилось великой удачей отсутствие у них фортепиано, ибо никакое фортепиано никогда не могло бы протиснуться там в целости и сохранности; столовая была так мала, что шестеро обедающих с трудом могли бы в ней поместиться, а лестница, ведущая на кухню, казалась созданной со специальной целью низвергать слуг и разнообразный фарфор прямо в ларь для угля. Но стоило

лишь привыкнуть к этим не очень значительным недостаткам, как оказывалось, что все здесь совершенно безупречно, ибо здравый смысл и хороший вкус главенствовали при выборе обстановки и результат удовлетворял самым высоким требованиям. В доме не было мраморных столиков и высоких зеркал, не было и кружевных гардин в маленькой гостиной, зато была простая мебель, множество книг, пара-тройка чудесных картин, жардиньерка в эркере, полная цветов, и разложенные повсюду милые подарки от друзей, ставшие еще более милыми благодаря полным любви запискам, в них вложенным.

Я не думаю, что Психея из париана, подарок от Лори, утратила хоть малую толику своей прелести оттого, что Джон сам приделал к стене полочку, на которую ее поставили; что у какого-нибудь драпировщика простые муслиновые занавеси могли бы висеть более изящными складками, чем выйдя из художнических рук Эми; или что какая-то другая кладовая оказалась бы более полна припасов, сопровождаемых веселыми словами, добрыми пожеланиями и выражением самых счастливых надежд, чем кладовая маленького дома, куда Джо вместе с матерью доставили для Мег разнообразные ящики, бочонки и пачки; и я до глубины души уверена, что с иголки новая кухонька никогда не выглядела бы такой уютной, если бы Ханна не переставляла каждую кастрюлю и сковородку туда и сюда по дюжине раз и не разложила бы дрова в камине так, что его можно было разжечь в ту же минуту, как «мисус Брук войдет в её дом». Сомневаюсь к тому же, что какая-нибудь иная юная хозяйка начинала самостоятельную жизнь со столь богатым запасом тряпок для пыли, тряпок-прихваток и мешочков для лоскутов, ибо заботливая Бет нашла их

столько, что Мег всего этого хватит до серебряной свадьбы. А еще она придумала три разных вида посудных тряпочек — специально для сверхспешного мытья свадебных тарелок и чашек.

Люди, делающие себе все эти вещи на заказ, не имеют даже понятия о том, что́ они теряют, потому что самые неприятные домашние обязанности становятся приятнее, если выполнять их помогают любящие руки, и Мег обнаружила столько доказательств этого, что все в ее крохотном гнездышке — от скалки на кухне до серебряной вазы на столе в гостиной — красноречиво говорило о родном доме, о любви и нежной заботливости близких.

Какие счастливые часы проводили они, вместе всё планируя, как торжественно совершали экскурсии по магазинам, какие забавные ошибки они делали и какой неудержимый хохот вызывали у них смехотворные «выгодные приобретения» Лори. Из любви к забавным шуткам этот юный джентльмен, почти уже окончивший колледж, по-прежнему оставался еще мальчишкой. Последним его капризом стало привозить в каждый из его еженедельных приездов домой какую-нибудь новую, полезную и хитроумную вещь для молодой хозяйки. То мешок замечательных прищепок для белья, то чудесную мельничку для мускатных орехов, развалившуюся на куски при первой же попытке ее использовать, затем — очиститель для ножей, попортивший все вычищенные им ножи, а то еще специальную щетку для ковра, счищавшую с ковра ворс, но оставлявшую на нем пыль и грязь, потом — быстродействующее мыло, экономящее усилия и сдирающее с рук кожу, безупречную оконную замазку, прочно прилипавшую исключительно к пальцам разочарованного покупателя, а не к чему-либо

иному, и, наконец, всяческие скобяные изделия, от игрушечной копилки для лишних монеток до поразительного бака для кипячения, который должен стирать белье посредством собственного пара, с явной перспективой непременно взорваться во время этого процесса.

Напрасно Мег упрашивала Лори остановиться, напрасно Джон смеялся над ним, а Джо называла его «Мистер Тудлз». Но юным джентльменом овладело маниакальное стремление поощрять американскую изобретательность, а также желание обеспечить друзей ее результатами надолго вперед. Так что каждая новая неделя становилась свидетельницей нового абсурда.

Наконец все было сделано, Эми даже успела расположить разноцветные брусочки мыла так, чтобы они соответствовали цвету обоев в каждой из по-разному оклеенных комнат, а Бет — накрыть стол для первой трапезы в новом доме.

— Ну как, ты довольна? Тебе уже представляется, что здесь ты — у себя дома? Чувствуешь ли сейчас, что сможешь быть здесь счастлива? — спросила миссис Марч, обходя новые владения Мег об руку с дочерью, ибо как раз теперь они обе явно стремились быть как можно ближе и нежнее друг с другом, чем когда-либо прежде.

— Да, мама, совершенно довольна благодаря вам всем и до того счастлива, что даже говорить об этом не могу. — И взгляд Мег сказал гораздо больше, чем ее слова.

— Вот если бы она завела хотя бы одну или двух служанок, тогда все было бы в порядке, — заявила Эми, выходя к ним из гостиной: там она пыталась решить, где лучше смотрится бронзовый Меркурий — на этажерке или на каминной полке.

— Мы с мамой говорили об этом, и я думаю попробовать для начала последовать ее примеру. У меня ведь будет так мало обязанностей, что с Лотти на побегушках по моим поручениям и с ее всегдашней готовностью мне в чем-то помочь у меня едва достанет работы, чтобы не дать мне совсем облениться или заскучать по родному дому, — безмятежным тоном откликнулась Мег.

— А у Сэлли Моффат целых четыре... — начала было Эми.

— Если бы Мег завела себе четырех служанок, они не поместились бы у нее в доме и хозяину с хозяйкой пришлось бы разбить для себя лагерь в саду, — перебила ее Джо, которая в этот момент, завернувшись в огромный синий фартук, наводила окончательный блеск на дверные ручки.

— Но ведь Сэлли — не жена бедняка, и то, что у нее много горничных, вполне соответствует ее средствам и прекрасному положению в обществе. Мег с Джоном начинают весьма скромно, но у меня такое ощущение, что в их маленьком доме будет несколько не меньше счастья, чем в каком-нибудь большом. Молодые девушки вроде Мег совершают величайшую ошибку, когда не оставляют себе никаких иных дел, кроме как наряжаться, отдавать приказания да сплетничать. Когда я только вышла замуж, мне, бывало, так хотелось, чтобы мои новые платья поскорее изнасились или порвались, тогда я могла бы с наслаждением заняться их починкой — так мне надоело заниматься вышиванием и ухаживать за своим носовым платочком.

— Так почему же вам было не отправиться на кухню и не перевернуть там все вверх дном, готовя разные кушанья, как, по словам Сэлли, она порой делает, чтобы развлечься? — спросила Мег. — Правда, у нее

они никогда толком не получают, и слуги над нею посмеиваются, — добавила она.

— Со временем я туда и отправилась, только не «перевернуть все вверх дном», а поучиться у Ханны, как все это делать, чтобы моим слугам не пришлось надо мной посмеиваться. Тогда это было всего лишь игрой, но пришла пора, и я была поистине благодарна за то, что у меня явилось не только желание, но и способность готовить полезные кушанья для моих маленьких дочек и обходиться без помощи слуг, когда я не могла больше их нанимать. А ты начинаешь с другого конца, Мег, дорогая моя, но урок, выученный тобою теперь, будет полезен и когда Джон станет богаче: ведь хозяйке дома, каким бы великолепным он ни был, следует разбираться в том, как должна выполняться работа, если она хочет, чтобы ей служили честно и добросовестно.

— Да, мама, я уверена, что так оно и есть, — отвечала Мег, уважительно выслушав маленькую лекцию матери, ибо эта самая лучшая из женщин очень любила рассуждать на столь всеобъемлющую тему, как домашнее хозяйство. — А знаете, вот комнатка, которая в моем домике-малышке нравится мне больше всех других, — сказала она минутой позже, когда все они поднялись наверх и она заглянула в чулан для столового и постельного белья с почти доверху заполненными полками.

Там обнаружилась Бет, все еще укладывавшая на свободные полки аккуратные белоснежные стопки и не перестававшая восхищаться великолепным подбором белья. Все дружно рассмеялись в ответ на слова Мег, так как этот бельевой чулан был неистощимым поводом для шуток. Ведь заявив, что, если Мег выйдет замуж за «этого Брука», она не получит ни цента

из тетушкиных денег, тетушка Марч оказалась в довольно затруднительном положении, когда время утишило ее гнев и заставило старую даму пожалеть о своей угрозе. Она никогда не нарушала данного ею слова, и ей пришлось довольно сильно напрягать умственные способности, решая, как такое затруднение обойти; в конце концов она придумала план, который вполне удовлетворял ее надобностям. Миссис Кэррол, матери Флоренс, было дано распоряжение купить материю, сшить на заказ и пометить невероятное количество домашнего белья: столовое белье и постельное, полотенца и чехлы для мебели — чего там только не было! — а затем отослать все это в качестве подарка от самой миссис Кэррол, что та преданно и исполнила. Но тайна выплыла наружу, и все семейство получило великое удовольствие, глядя, как тетушка Марч тщетно пытается сделать вид, что совершенно ничего об этом не знает, да еще утверждает, что дарить ей нечего, кроме давно обещанных первой невесте старомодных жемчугов.

— Вот это — вкус настоящей хозяйки дома, какой мне радостно видеть. У меня в молодости была подруга, которая так наладила домашнее хозяйство, что обходилась всего тремя парами простыней, но зато у нее было достаточно полоскательниц для пальцев, чтобы подать каждому, когда к обеду приглашались гости, и это ее вполне устраивало, — сказала миссис Марч, поглаживая стопку дамастовых скатертей, с поистине женским чутьем восхищаясь их превосходным качеством.

— А у меня нет ни одной полоскательницы для пальцев, зато Ханна говорит, что этого запаса белья мне хватит до конца моих дней. — И Мег выглядела очень довольной, да ведь иначе и быть не могло!

По дороге к дому быстро и решительно шагал широкоплечий молодой человек; его коротко стриженную голову покрывала шляпа, похожая на не слишком глубокий фетровый таз, а на плечах свободно развевался плащ. Он перешагнул через низкую изгородь, не задержавшись, чтобы открыть калитку, и приблизился к миссис Марч, протягивая ей обе руки с сердечным:

— Вот и я, матушка! Да, все в порядке.

Последние слова были ответом на взгляд, устремленный на молодого человека пожилой женщиной — его старшим другом, и прекрасные глаза Лори встретили этот добрый вопрошающий взгляд так открыто, что эта маленькая церемония закончилась, как обычно, материнским поцелуем.

— «Для миссис Джон Брук, с поздравлениями и приветствиями от того, кто это сделал...» Вы просто Божье чудо, Бет! А вы, Джо, — что за ободряющее зрелище! Эми, вы становитесь слишком красивой для незамужней девицы!

Произнося все это, Лори успел вручить Мег сверток в коричневой оберточной бумаге, дернуть Бет за ленточку, поддерживавшую ее волосы, пристально оглядеть огромный фартук Джо и встать в позу иронического восхищения перед Эми, а затем принялся пожимать всем руки, и тут уж заговорили все разом.

— А где же Джон? — обеспокоенно спросила Мег.

— Задержался, чтобы получить лицензию на завтра, мэм.

— Кто победил в последнем матче, Тедди? — задала ему вопрос Джо, по-прежнему интересовавшаяся мужскими видами спорта, несмотря на свои девятнадцать лет.

— Наши, разумеется. Жаль, тебя там не было — ты бы на них посмотрела!

— А как поживает прелестная мисс Рэндал? — спросила Эми с многозначительной улыбкой.

— Еще более жестока, чем всегда. Разве тебе не заметно, как я чахну день ото дня?! — Лори звонко шлепнул себя по широкой груди и издал мелодраматический вздох.

— А какова же его новая шутка? Распакуй же сверток, Мег, и посмотри, — сказала Бет, с большим любопытством взиравшая на бугристый пакет.

— Это — полезная штука, которую надо иметь в доме на случай пожара или ограбления, — пояснил Лори, когда из свертка под смех сестер появилась колотушка ночного сторожа. — В любое время, если Джона не будет дома, а вам, миссис Мег, вдруг станет страшно, просто высуньте ее в окно и потряхните — вся округа поднимется в один момент. Замечательная вещь, не правда ли? — И Лори для примера тут же продемонстрировал им мощь этого устройства, что заставило всех тотчас заткнуть уши.

— Вот вам людская благодарность! Кстати, заговорив о благодарности, я вспомнил, что мне нужно сказать вам: следует поблагодарить Ханну за спасение свадебного торта от разрушения. Я видел, как его несли к вам в дом, когда проходил мимо, и, если бы она мужественно не бросилась на его защиту, я непременно взял бы себе кусок на пробу, потому что он выглядел невероятно соблазнительным.

— Вы когда-нибудь подрастете, Лори, или нет, хотела бы я знать? — произнесла Мег тоном почтенной замужней дамы.

— Я очень стараюсь, мэм, но, боюсь, не смогу подрасти так уж намного, ведь шесть футов — это практически все, чего способны достичь мужчины в наш дегенеративный век, — отвечивал юный джентльмен, чья голова почти касалась небольшой люстры.

— Я полагаю, что будет профанацией — есть в этом новеньком, с иголки, гнездышке, а так как я невероятно голоден, то предлагаю перенести наше заседание в другое место, — тут же продолжил он.

— Мы с мамой хотим дождаться Джона. Осталось еще кое-что уладить напоследок, — сказала Мег и поспешила прочь.

— Мы с Бет идем к Китти Брайант — взять еще цветов для завтрашнего дня, — проговорила Эми, прикрепляя живописную шляпку к своим живописным кудряшкам и наслаждаясь полученным эффектом ровно столько же, сколь и остальные.

— Пойдемте, Джо, не бросайте человека в беде! Я так истощен, что не способен дойти до дому без посторонней помощи. И пожалуйста, не снимайте ваш фартук, что бы вы в нем ни делали, он вам особенно к лицу, — попросил Лори, однако Джо уже укладывала этот предмет его особого отвращения в объемистый карман своего платья, после чего предложила молодому человеку руку, чтобы придать устойчивости его слабеющим шагам.

— А теперь, Тедди, я хочу серьезно поговорить с вами о завтрашнем дне, — начала Джо, когда они вместе медленно шли прочь от дома. — Вы должны пообещать, что будете вести себя хорошо и не станете разыгрывать никаких шуток, иначе вы сорвете все наши планы.

— Ни единой!

— И не произнесете ничего смешного, когда мы должны будем сохранять серьезность.

— Да я никогда такого не делаю. Это как раз в вашем духе.

— И умоляю: не смотрите на меня во время брачной церемонии! Я обязательно рассмеюсь, если вы посмотрите.